

К. Д. БАЛЬМОНТ

Дар Земле

СТИХИ

1921

Иваново
Издатель Епишева О.В.
2011

УДК 882-1 Бальмонт
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6–5
Б 21

Бальмонт, К.Д. Дар Земле. Стихи. 1921 / К. Д. Бальмонт ; публикация А. А. Преображенской и О. В. Епишевой ; вступ. статья А. Ю. Романова. – Иваново : Издатель Епишева О.В., 2011. – 88 с.

Художник И. Каширин

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Михаила Юрьевича Бальмонта*

*Печатается по изданию:
Бальмонт К.Д. Дар Земле. Стихи. – Париж, 1921.*

ISBN 978-5-904004-27-9 © К. Д. Бальмонт, 2011
© Вступ. статья. А. Ю. Романов, 2011
© Оригинал-макет. О. В. Епишева, 2011
© Оформление. И. Каширин, 2011

«Желанье в вечном миг свой сохранить...»

В 2011 г. исполняется 90 лет с момента выхода поэтической книги Константина Бальмонта «Дар Земле».

Определив в 1915 году поэзию как *волшебство*, Бальмонт продолжал настойчиво искать ответы на извечные вопросы: *как возникает стих певучий? Где зарождается чарующая музыка слов? И в чём заключается секрет магии творчества, когда*

...И всё красивое, что в мире
Зовёт нас к празднику, и сердцу
Быть в серых буднях не велит...

Одна из прочитанных им в начале 1919 г. лекций-бесед о поэзии так и называлась: «Как возникает стих»¹. Тогда, в течение лета и осени, по информации московского еженедельника², он работал над переводами четырёх драм Кальдерона: «Волшебный маг», «Луис-Перес-Галициец», «Дама-привидение» и «Саламейский Алькальд» – и над новыми сборниками собственных стихов. Уже 1 декабря на закрытом заседании Всероссийского союза поэтов он читал отрывки из «Дара Земле», а 19 января 1920 года, на собрании «Литературного особняка», где В. Бутыгина сделала доклад о творчестве Бальмонта, О. Леонидов прочёл сонет «Бальмонту»³, а поэт знакомил слушателей с новыми стихами из книг «Дар Земле» и «Перстень».

Но если «Перстень» практически был им завершён (и вскоре, в феврале 1920-го, вышел в свет), то над «Даром Земле» работа длилась ещё почти год, о чём свидетельствуют отечественные и зарубежные публикации ряда стихов⁴.

Очень важное признание («во мне совмещается христианин и нехристианин») сделано поэтом в письме к Е. А. Андреевой

¹ Беседы о поэзии: [Анонс] // Известия. 1919. 16 янв. № 10 (562). С. 4.

² Работы К. Д. Бальмонта // Вестник театра. 1920. № 57 (16–21 марта). С. 14.

³ Литературная неделя // Там же. 1920. № 50 (29 янв. – 4 февр.). С. 15.

⁴ По этим публикациям, хотя и не вполне точно, можно установить время создания текстов. Так, в течение 1920 г. увидели свет стихи: **Черкешенке**, с датой: *28 июля 1919, Ново-Гиреево* (сб. «Мы». М., с. 3); **Ступени; Четыре звена** (Художественное слово. Кн. II. М., с. 11); **Олень** (Последние новости. 28 нояб. № 185. С. 2, в цикле *Сонеты*); **Зельда** (Воля России. 24 дек. № 87. С. 5, под назв.: **Жертва**); ещё 48 стихотворений взяты автором из сб. «Перстень». Уже после выхода «Дара Земле» в советских изданиях были напечатаны 9 стихов: В горах; Воля в неволе; Врубель; Забава; Жажда («Из жажды музыки...»); Путь; Башня; Жёлтая роза; Ася.

21 марта 1920 г.: «...Я люблю службу Вербной субботы и фигуры молящихся с ветками вербы в руках. <...> Я хочу в молитвенности присутствия Солнца, Луны, Звёзд, Океана, магии Огня, цветов, музыки. Я всегда молюсь всем существом своим, когда плыву в Океане, когда иду по взморью. <...> Я люблю, когда тёмный русский мужик произносит слово «Христос», – я чувствую тогда благое веяние Духа, побеждающее, могуче и сладостно, века и пространства». «Моя душа везде, – продолжает он, – и, когда допевались сейчас в озарённой церкви сладчайшие тихие песнопения, я чувствовал острые закраины кратеров Луны, и какой-то голос внутри меня говорил со спокойной убеждённости...»⁵ – далее следует полный текст стихотворения «Я чувствую, что я древнее, чем Христос...» (в сборнике оно получит название: **Древней**). А через неделю, 29 марта, на торжественном вечере в Москве по случаю 30-летия выхода своего первого сборника (1890), Бальмонт читал гимн Солнцу-Ра – переложение **Четвёртого гимна Каирского Папируса**⁶...

«...В самую трудную и трагическую минуту революции <...> выходит том его стихотворений «Перстень», но тут Бальмонт не выдерживает. Автора гимнов стихиям, женщине и любви нельзя засадить ни в какую клетку, и нельзя заставлять кланяться палачам. В 1920 г., в мае месяце Бальмонт, после героической зимы, прошедшей в борьбе за себя и семью, после мешковой мёрзлой картошки, которую таскал на себе, уехал за границу⁷ делить изгнанничество цвета русской литературы. В нём эта литература, многострадальная, но несущая давний талисман свободолобия (от Пушкина переходящий к современникам “железный перстень” русского поэта), – сказала ещё раз “нет” насилию.

В эмиграции Бальмонт так же деятелен, полон творчества и труда, как был всегда. Образ Бальмонта есть образ художнического “делания”. На последнем Суде не скажет он: “я ленился”. На чужбине вышли книги стихотворений: “Дар Земле”, “Моё – ей”⁸ и ещё более десятка сборников. В обзоре И. Груздева названы и три последние книги поэта, напечатанные в Москве: «Перстень» и «Семь поэм» (1920), «Песня рабочего молота» (1922)⁹...

⁵ Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1997. С. 514.

⁶ См. об этом запись в дневнике Н. С. Ашукина (НЛО. 1998. № 31. С. 195–196).

⁷ Поэт покинул Россию 25 июня 1920 г.

⁸ К. Д. Бальмонт: К сорокалетию юбилею литературной деятельности // Перезвоны (Рига). 1925. № 6. С. 131–132. Сообщения парижского издательства «Русская земля» о выпуске новых книг (в их числе и сборник «Дар Земле») – см.: Последние новости. 1921. 26 янв. № 235. С. 1; Литературная хроника // Начало (Ив.-Вознесенск). 1921. № 2/3. С. 156.

⁹ Груздев И. Русская поэзия в 1918–1923 гг.: (К эволюции поэтических школ) // Книга и революция. 1923. № 3. С. 31.

Если в предыдущих книгах Бальмонта главной композиционной особенностью было расположение по циклам, а в многообразии символики – от *Моря* и *Леса* до *Оазиса* и *Пустыни* – явный перебор, то в «Даре Земле», который открывается и завершается сонетами, заметен процесс переосмысления традиционных бальмонтских символов (*День*, *Башия*, *Звезда*, *Жемчуга*, *Минута*, *Ночь* и др.). В символически-конкретном образе сонета **Жёлтая роза**¹⁰ ощутимо единение всех граней мира реального, дающего блаженство, и внутреннего мира человека, озарённого ярким и вечным светом прекрасного. В этом многозначном образе-аллегии мы вновь встречаемся с Солнцем, которое у Бальмонта «всегда молодое» – им «красен вольный мир», ему всё подвластно. И потому вполне закономерен вывод, что один из самых значительных бальмонтских символов – *образ цветка* – выступает *новой* художественной метафорой, эквивалентной различным жизненным и природным явлениям, олицетворением Вечного... А образ «красных капель» (символ создания человека: «Человек рождён из сгустка крови красной») предстаёт и как метафора пролитой крови невинно убиенных, и как символ мести: «Красные капли! Земля восстала...» (**Тайна праха**)¹¹.

Как и прежде, все тексты наполнены контрастной цветовой гаммой: *изумрудный* – *белый* – *чёрный* (Мать моя), *розовый* – *красный* – *зелёный* – *синий в синем* (Радуга), но при этом наиболее частыми становятся любые оттенки светлого, солнечного: «Был золотом. Стал серебром...» (Четыре звена), «*Посеребрить* как белую Луну...» (Путь); «...ковш из *жёлтой меди*» (Олень), «луч... потолок *золотит*» (Паутинки, 5), «*золотая слава*» (В кибитке), «в *златотканом* чертоге» (Терем), «*Пшеничный* цвет твоих волос...» (Цвет пшеницы). А уныло-однообразный осенний пейзаж, когда уже заметен «в небе *призрак белых стел*», неожиданно возникает в поэтически выразительной пастельной «этюдности»:

Весь лесной багряный округ
Наряжается в пожар.
В бледном небе долгий оклик,
Журавлей летит базар... (**Неверности**)

Особо хочется выделить «именной» цикл, состоящий, как и два сонетных, из 15 стихотворений, с краткими «портретами»

¹⁰ *Впервые* – в цикле «Лепестки пламецвета»: 1. **Пламецвет**; 2. **Легучий**; 3. **Джигитуй**; 4. **Пять букв**; 5. **Жёлтая роза** (Воля России (Прага). 1921. 9 янв. № 98. С. 3); последнее перепечатано: Московский альманах. [Вып.] 2. М., 1923. С. 12.

¹¹ См. также в сб. «Марев» (1920) стих. **Красные капли** («Красные капли, ушедшие в Русскую землю...»).

любимых женщин Бальмонта: японской поэтессы Ямагаты *Инамэ*¹², дочери *Нины* Бруни, девушки *Киры* (познакомившись с ней в 1917 г. на Кавказе, поэт принял горячее участие в её судьбе), норвежской журналистки *Дагни* Кристенсен, *Елены* Цветковской, *Анны* («Нюши») Ивановой, *Екатерины* Андреевой. В этом ряду «дорогих лиц» – и *Люси* Кусикова, которую он «сравнить хотел бы с нежной ивою плакучей» (**Черкешенке**), и дочь *Мифра*, «девчонка бешеных страстей» (**Стрекозка**)...

Предпоследнее стихотворение в сборнике – **Примиренье** – целиком процитировано в воспоминаниях И. Одоевцевой, где среди всех бальмонтовских стихов мемуаристка выделяет «особенно стихи о России», которые «трогали и волновали. Они и сейчас не потеряли своей свежести и обаяния и могли быть написаны и в наши дни»¹³, а заключительная строчка этого стихотворения может стать эпиграфом и ко всей эмигрантской лирике поэта: «Светишь мне, Россия, только ты...».

Александр Романов

Дар Земле

МАТЬ МОЯ

Мать моя, люблю твои одежды,
Изумрудный шёлк и бархат белый,
Поступь тигра, пташки голос смелый,
Океана синие пределы,
Лиц дремотных теневые вежды.

Мать моя, бываешь ты безумна,
Но за мигот крайних исступлений
Ты даёшь душе восторг молений,
Красочное таинство растений,
И снопы, упавшие на гумна.

Мать моя, ты мне дала дерзанье,
Я спускался в пропасти без счёта,
От всего иду ещё во что-то.
Я люблю опасности полёта,
Я лечу, хотя б на истязанье.

Мать моя, к тебе я с малым даром,
Я, твой сын, всегда тебе покорный,
Ты прими мой стих, мой звон узорный,
Я люблю тебя и в бездне чёрной,
Я горю, но не сожжён пожаром.

ДАР ЗЕМЛЕ

Та кровь, что перед нежной красотой
В горячем сердце билась родником.
Ещё другая, та, что пред врагом
Курчавилась и пенилась враждою, –
Вошла в слова, и звучной чередою
Пропела стих и расцвела цветком,

¹² В числе приветствовавших поэта она была 14 мая 1920 г. во Дворце Искусств (см. об этом подробнее: *Эфрон А.С.* Страницы воспоминаний // Звезда. 1973. № 3. С. 177–178).

¹³ *Одоевцева И.В.* На берегах Сены. М., 1989. С. 223.

Ещё тот снег, что с пылью незнаком,
В комок слепив, обрызгал я звездою.

Всё это сочетав зазывом чар,
Я взял ещё и горсть родной землицы,
И два пера из крыльев быстрой птицы, –

Свой старый дом поджѐг, раздул пожар,
В разбеге строк зазыбились зарницы,
И отдал я Земле мой малый дар.

ЖЁЛТАЯ РОЗА

Расплавленное золото в эфире,
Округлый щит, огнеобъём, вулкан,
Весь в огневзлётах жёлтый Океан,
Стремящий – ход лучей – всё глубже, шире,

Одним тобой я избран к жизни в мире,
И светлый лик, и дар певца мне дан,
О, роза бездн, небесный Гюлистан,
Верховный знак, чтоб звук зажѐгся в лире.

Люблю тебя, как в свежие те дни,
Когда твой лик я жёлтым видел чудом
Над ранним травянистым изумрудом.

В тебе сторожевые есть огни,
Вся кровь моя полна Пасхальным гудом,
Я принял в дух свой Солнце искони.

ЗЕЛЁНЫЙ ДИСК

Зелёный диск явил свои узоры
С разбегом тонких вытканых лучей,
И в звучном сердце стало вдруг звончей,
Узор стиха в ответ на те уборы.

Там были срывы, кратеры, и горы,
Мельканье копий, веянье мечей,

Был светлый спор, гадало сердце: «Чей?»
И мнилось, что ответ возникнет скорый.

Волна волшебств зелёных за волной.
Уснули тигры в мраморном чертоге.
Окончен день. И утомился зной.

На сердце – сердце нежной шло волной.
И этот щит в боях, где бьются боги,
Мы в наших днях всегда зовѐм – Луной.

СИМФОНΙΑ

Где грань земли и влаги, выплыл лик,
Всходящий, жёлтый, с силою внушенья,
В равнине вод зазыбилось движенье,
И свежий, тишь порвавши, плеск возник.

Он перешёл в протяжный влажный клик,
Во вспевах волн всё дышит окруженье,
В Луне вверху магнит воображенья,
В глубинах взрыв, что с часом будет дик.

Колдунья бег волны к себе позвала,
Сама скользит в сиянии немом,
Волна растёт и взбилась гребнем вала.

И вал на вал как будто дом на дом.
Луна велит. В луче зазыв кимвала.
И Океан бросает к небу гром.

ГОВОРЫ

Лепечущая пряжа щебетанья
От ласточки до дремлющей души,
Летающий звук: «Люби! Живи! Спеши!»
Мгновение – основа мирозданья.

Морской волны седое бормотанье,
Органный бор в разбуженной глуши,

Все говоры вещанья хороши,
О, ветер, хорошо твоё рыданье.

Свободный дух, ты носишься в степях,
Живая воля, вечно молодая,
Ты змеем веешь, зыбью пропадая, –

Качаешь цвет на длинных ковылях,
За Морем был, сверчком поёшь в сенах,
К воспоминанью сердце убеждая.

ПЛАМЕЦВЕТ

Обрывок ткани, кровью напоённый,
Пронизанный играющим огнём,
Расцвёл в кусте. И задержался в нём
Неспетый вспев души, в любовь влюблённой.

Прицветником кровавым окаймлённый,
Внутри – цветок, как малый водоём,
Где влага – золото. Он насыщен днём,
Он спаян Солнцем в перстень снов зажжённый.

Цветок Теноктитлана давних дней,
Цветной костёр Египта и Алжира.
Беседка лепестковая огней.

Кто был в любви, тот будет вечно в ней.
Я бросил сердце в это пламя мира,
И вижу взлёт горящих ступеней.

РАДУГА

Летающий свист высокого стрижа.
Июльский сумрак. Розовые крыши.
Гроза прошла. И в сердце стало тише.
Мысль ворожить, всем в мире дорожа.

И красный, и зелёный есть межа.
И синий в синем. Дальше. Глубже. Выше.

Провеял зыбкий лёт летучей мыши.
Средь ста колосьев на одном есть ржа.

Средь тысячи безумных начинаний
Один удар мгновенного резца
Даёт восторг сознанию без конца.

Свети, лазурь. Цвети, любовь в тумане.
Я знаю боль молитвы чернеца,
И семь межей, цвета престольной ткани.

ПОГАСНЕТ СОЛНЦЕ

Погаснет Солнце в зримой вышине,
И звёзд не будет в воздухе незримом,
Весь мир густым затянут будет дымом,
Все громы смолкнут в вечной тишине, –

На чёрной и невидимой Луне
Внутри возникнет зной костром палимым,
И по тропам, вовек неисследимым,
Вся жизнь уйдёт к неизвестной стороне, –

Внезапно в пыль все обратятся травы,
И соловьи разучатся любить,
Как звук, растают войны и забавы, –

Вздохнув, исчезнет в мире дух лукавый,
И будет равным быть или не быть –
Скорей, чем я смогу тебя забыть.

ЧЕТЫРЕ ЗВЕНА

В ребёнке, грудь родимую сосущем,
Незримая, глубоко дремлет страсть,
Отец и мать в него вложили власть,
Когда возник он поцелуем пьющим.

Он вырастет. И в сне быстротекущем, –
Вся жизнь есть сон, и в сны он должен впасть, –
Рот будет целовать, и примет часть
В наследстве древнем, изначально-сущем.

Он будет остывать и холодеть.
Он будет в смене дней совсем студёным.
Был золотом. Стал серебром. И медь
Всё будет вниз влачить его по склонам,
Где трубно будет колокол греметь,
Когда железным смерть скуёт законом.

БРЫЗГИ

Обрызгана холодными слезами,
В туман и дым легко облечена,
Склонилась привиденная Луна,
Застыла над октябрьскими лесами.
Какими отзовется голосами
На зов души ночная тишина?
Душа людей, ты без Отца, одна.
Без матери. Свой дом постройте сами.
За каплей капля, долгие века,
Дробит кремень, протачивает горы,
Из диких глыб ткёт стройные соборы.
За каплей капля, мощная река
Проходит семистранные просторы.
Плачь, сердце. Тайна зданья глубока.

ТИХАЯ МИНУТА

Из бури в тишину спокойный мост,
Вдвойне, за ливнем, изумрудна туя.
На шкафе вырезном глухарь, токуя,
Распространил дугой свой веер-хвост.
Как этот миг пленителен и прост.
Не плача, не жалея, не ревнуя,
В картинах стен читаю старину я,
Мне чудится весна и россыпь звёзд.

Предутренняя, ткёт туман прохлады.
Из звёзд и предрассветной тишины
Встаёт любовь, окутанная в сны.

Всё в прошлом было так, как это надо.
Отшедшая, глядит живой отрада,
Как этот лось, глядящий со стены.

ПУТЬ

Посеребрить как белую Луну
Свою мечту, отбросив теневое.
Любя, ронять мгновенья в звёздном рое.
Сгустить свой дух как Солнце. Впить весну.
Вобрать в себя морскую глубину.
Избрать разбегом небо голубое.
Жить в скрипке, барабане и гобое.
Быть в сотне скрипок, слившихся в волну.
Пройти огнём по всем вершинам горным.
Собрать цветы столетий тут и там.
Идя, прильнуть душой ко всем цветам.
Хранить себя всегда напевно-зорным.
Путь сопричастья круглым тем шарам,
Что ночью строят храм в провале чёрном.

КОСТЁР

Он был вождём. И шли за ним дружины,
Как за матёрым волком сто волков.
Мы грабили селенья берегов,
И пили мёда полные кувшины.
От вьюги вдаль. На Юг от белой льдины.
Всегда вперёд, и никаких оков.
Он счастлив был, увидевши врагов,
Свист лезвия – восторг душе единый.

Семи мечей был поцелуй остёр.
Обрушен дуб ударом дровосека.
Развязан узел волей Трёх Сестёр.
Вождю высокий разожжён костёр.
Я взял свирель из кости человека,
И песнью славы грусть утраты стёр.

ОЛЕНЬ

Полнеба взято Северным сияньем,
Горящей ризой неба над землёй.
Даль Севера полна молочной мглой,
Застыло Море круглым очертаньем.

Нет счёта снежно-льдяным созиданьям.
Скала звенит. И ветер над скалой
Из снега строит небу аналой,
Поёт псалмы и тешится рыданьем.

От облака бежит проворно тень.
Мечтая о приснившемся обеде,
Лежат как груды белые медведи.

Не мрак. Не свет. Не часть. Не ночь. Не день.
На вышнем небе ковш из жёлтой меди.
И смотрит ввысь, подняв рога, олень.

В ГОРАХ

От гор исходит вдохновенье,
В них многозвёзден ход ночей.
В снегах молчанье откровенья, –
Будь верен Родине своей.

Вершины манят в отдаленье,
В уступах пенится ручей.
Забросив брызги влаги в пенье, –
Будь верен Родине своей.

От птицы к птице – устремленье,
Восторг души – разрыв цепей.
Любя острый миг боренья, –
Будь верен Родине своей.

Ты с детства знал орлов паренье,
И долгий говор журавлей.
Так не меняй предназначенье, –
Будь верен Родине своей.

ЗОЛОТЫЕ СТОЛБЫ

Золотые столбы лучей
Отразились в немом пруду.
Разливаются крики грачей,
Я весною к тебе приду.

Ещё слышится талый снег
В холодке красноватых зорь.
Но минут неизбежен бег,
И когда я приду, не спорь.

ВОРОЖБА

Наклонилась, изогнулась, распахнулась, и опять
В прежнем лике неподвижна, вся – лелейных тайн
печать.

Покачнулась идохнула всею свежестью весны,
Забелела благовонно ткань воздушной белизны.

Наклонилась, и, объята дрожью лёгкою, она
Вся внимает, как ей звонко без конца поёт струна.

Это кто же? Та, в ком нежность, с тем, кто хочет ей
владеть?

С кем вдвоём цвести желанно и заткать мгновенье
в сеть?

Нет, другое. Это только в сладком млении своём,
В вешнем вихре ветка вишни в перекличке со шмелём.

НОЧНАЯ БАБОЧКА

Белая бабочка сказки полночной
С полным доверьем мне на руку села,
Зыбятся усики дрожью урочной,
Всё в ней загадочно, чётко и смело.

Я наклоняюсь, и вот мне не странно
Тайно беседовать с малым созданием,
Ей теплота человека желанна,
Я упоён белокрылым свиданием.

ДРЕВНЕЙ

Я чувствую, что я древнее, чем Христос,
Древнее первого в столетиях Иудея,
Древней, чем Индия, Египет и Халдея,
Древней, чем первых гор пылающий откос.
Я был ещё тогда, как в воздухе разъятом,
Среди безжизненных пылающих пространств,
В предчувствии немом сверкающих убранств,
За атомом помчался атом.

Но я ещё древней. Гори, душа, пророчь.
Припоминай себя в чертах многообразных.
Я был ещё тогда, как в безднах безграничных
Была единая нетронутая Ночь.
К избранникам Судьбы идёт от сердца уза,
Все Божии Сыны живут в моих зрачках,
Но более всего я волн люблю размах,
Всех вер священнее – медуза.

ПАУТИНКИ

1.

Всевыразительность есть ключ миров и тайн.

2.

Любовь огонь, и кровь огонь, и жизнь огонь, мы
огненны.

3.

Кабель под бездной морей, это кличет к державе
державы,
Так и паук паутиной поёт о взнесённости радуг.

4.

Кто это молвил, что мы красоте создаем горнило?
Звёзды и звери, цветы, океаны, ручей и вулкан,
Всё, что живёт в этом мире, влекомо в мирах Красотою.
Зодчим быть хочешь? Спроси земляного об этом червя.

5.

Вслушайся в музыку, в музыке вечное смотрит
в минутное,
Луч в подземелье заглянет на миг, потолок золотит.
Ветер заморский домчит с островов к нам дыхание
смутное,
Звук обоймёт, шевельнёт сокровенность и прочь
улетит.

6.

К душе от души первоцвет, пробегая,
Весь мир засвечает на миг целиком.
Снежинки с снежинкой летают, мелькая,
И станут весною они родником.
И только целуя, и только лаская,
Я чувствую Бога кругом.

ЦВЕТОЧНЫЙ ЗВОН

Если цвет в дремоте лунной
Расцветает в миге снов,
С чуть разъятых лепестков

Свеян звон легчайше-струнный,
Легче праха от снегов,
Тоньше пряди облаков,
Тише фейных – к сильфе – слов.

Это – пение рожденья,
Изнутри исход вовне,
К Солнцу, к воздуху, к весне,

Это – таинство цветенья,
Призрак музыки в огне,
Устремленье к вышине
Побывавшего на дне.

ВОРОЖБА РЕСНИЦ

Построй чуть сомкнутые стены,
Своё извне вовнутрь втесни,
Покинь мгновенно мир измены,
Среди ресниц побудь в тени,
В ночах вспевает цвет вервены,
В них тайны мира искони.

Зрачки души – в работе дружной,
Ты вдруг в желанном дальних мест,
Не тьма, в тебе чертог жемчужный,
Восторг невенчанных невест,
Кинь Север, для тебя не нужный,
И пей глазами Южный крест.

ИЗ ПЛАМЕНИ

Я смотрю над крышами домов,
Безглагольно небо голубое,
Но смотри, расслышишь много слов
О любви и творческом покое.

Если свод небесный долго нем,
Облака слагаются в напевы

Пламенем иссеченных поэм,
И струятся косвенные севы.

Но, изведав свет жемчужных строк,
Дав громам восторг и буйство пенья,
Синий храм спокоен и глубок,
Вскинув огнецвет пресуществленья.

Мерная гармония вверху.
Облака – преображение чувства.
Тучка к тучке – мысль и стих к стиху.
Грозовые замыслы искусства.

ОСЕНЬ

Вот они, мёрзлые глыбы,
Серого цвета земля.
Трав перекручены сгибы,
Холод их сжал, шевеля.

Бешено носится ветер.
Дождь. За слезою слеза.
Смотрит мне зябнувший сеттер
С недоуменьем в глаза.

Кто же охотиться может,
Если исчезла вся дичь?
Холод кусает и гложет,
Ветер заводит свой клич.

Будет он снежные тучи
К белой забаве скликать.
Тканью обрывно-линючей
Смотрит унылая гать.

НЕВЕРНОСТИ

Стало много красных яблок,
И брусника весела.

Жмётся к ветке синий зяблик,
Мыслит: Где бы взять тепла?

Весь лесной багряный округ
Наряжается в пожар.
В бледном небе долгий оклик,
Журавлей летит базар.

Продают ли? Покупают?
Русь Египту на промен.
Скоро воздух будет спаян,
В небе призрак белых стен.

В КИБИТКЕ

Луна глядит как глаз кита,
Который, жутко-белый,
Плывёт и лоскутом хвоста
Бьёт в дальние пределы.

И нет, не бьёт хвостом тот кит,
А, в воздух, упирая,
Плывёт, и глаз его как щит
Среди морей без края.

Ты думал, это облака
Плывут лазурью ночи.
А то китовьи лишь бока,
И с ними даль короче.

Я еду-еду. Мёрзлый вид
Налево и направо.

И виснет круглый сталактит
Безмерного удава.

Схлестнулся с белым он китом,
И вгрызлось чудо в чудо.

Расстался кит с своим хвостом
И сдавлен змей как груды.

Молчу. Смотрю. И нет кита.
И больше нет удава.
Лишь голубая пустота
И золотая слава.

ЗАБАВА

Я веселился
С Забавой Белой.
Я опушился,
Как колос спелый.

Смеясь, умылся
Я свежим снегом.
В полях носился
Проворным бегом.

Я в шёлк рядился,
И в бархат пышный.
В лесах крутился,
Как дух неслышный.

Я притаился
За косяками.
Я в дом ломился,
Гремя замками.

Я засветился,
Плясал и топал.
О стены бился,
И ставней хлопал.

В трубу укрылся,
Насытись скачкой.
И там томился,
И ныл заплачкой.

Освободился
От злой неволи.

Оборотился
Я зайцем в поле.

Воронкой вился
В песчинках снега.
И сам дивился,
Что в этом нега.

Скакнул, вонзился
В крыло воронье.
С ней наклонился
В крестопоклонье.

Мечтой влюбился
В верченье круга.
С Забавой слился,
И мчит нас вьюга.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗНАК

Уж скоро крикнет петух весны,
Что пламя мчится из вышины,
Что пламя пляшет пред торжеством –
Дрожать гореньем во всём живом.

Мы знаем зиму и звонкий лёд,
Мы знаем ветра живой полёт,
Секундной стрелки проворен бег,
Буравчик тонкий источит снег.

Летит к нам вольность, легко-светла,
Качая в небе колокола,
В весёлый полдень почуял дух,
Что там на Солнце пропел петух.

БРОСИТЬ

Бросить брызги острых молний,
Звёзд, разломанных в куски,

Гнать по Морю в ярком чёлне
Стаю, вражьих челноки.

Бросить бремя дымной тяги,
Рушить в пропасть взлёты гор,
Ширь Сахар, лишённых влаги,
Взрезать, меряя простор.

Бросить бреды снов минувших,
Свергнуть тени в пустоту,
Быть пчелой в цветущих вишнях,
Подорожником в цвету.

ВРУБЕЛЬ

Врубель – пламень, лебедь, демон,
Врубель – бешеная скачка
Четырёх копыт коня.
Вот оракул. Тих и нем он.
Но зазыбилась заплачка,
Вмиг слетает с уст, звеня.
Врубель – демон, лебедь, пламень,
Ценный камень,
И сирень.
Врубель – косвенная тень,
Уплывающая лодка,
Взбрызги Солнц, плеснувших чётко
На заветную ступень
Тайной лестницы, ведущей
В мир тончайший, вечно сущий,
В наш великий, в наш грядущий,
Богоравный день.

ДЕНЬ

Китайское Тиэнь, зиждательное небо, –
Наш светозарный День, – Индусское Диу, –
Теос Эллады, Дзэйс, – и Деус гордых Римлян, –
Ацтекское Теоль, – напев подобных букв,
Меняющийся звук с единым означеньем
О братстве говорит богов с людьми в веках.

БАШНЯ

Всходы башни
Путь змеиный.
День вчерашний
Стал картиной.
На картину
Я смотрю,
Тайно стыну,
Говорю.

Дни как струи,
Вечно то же.
Лишь чешуи
В змеиной коже.
Час линияня,
Спит змея.
В созиданье
Новый я.

Дни как зёрна,
В скрытом тают.
И упорно
Прорастают.
Колос пашен,
Серп и сноп.
Он не страшен,
Мнимый гроб.

Дни как зори,
Зовы в страны.
В звёздном море
Мост румяный.
Средоточий
Вещий бред.
После ночи
Рдеет свет.

Дни как груды
Копей чёрных.
Изумруды
В жерлах горных.
Взмах киркою,
Вот руда.
Я открою
Жизнь всегда.

Чрез рубины
Зыбь в опале.
Ход змеиный
По спирали.
Взлёты башни
Храм змеи.
Зёрна пашни
Все мои.

СТУПЕНИ

В расщелинах древних ступенчатых слов
Таятся глаза сновидений.
Там змеи забытых заветов и ков,
Дремотные грузные тени.
Заросшая лестница. Терем немой.
Под крышей гнездятся лишь совы.
Постранствуешь в мире, и тянет домой,
И древние манят основы.

Всхожу на ступени. Проснулась змея.
И встречен при входе я Змеем.
О, здравствуй, старинная правда моя,
Мы выявить клад наш сумеем.

ТЕРЕМ

Я видел морей и пустынь кругоём,
Я в солнечной медлил победе.
Но чувствую, лучше мне в доме моём,
Где больше железа и меди.

Я был в златотканом чертоге вдали,
С волшебницей белораменной.
Но дома сундук есть в подвале, в пыли,
И в нём самоцвет есть бесценный.

Вобравши лазурь в дальномечущий взор,
С конём распростился я. Пеший
Иду по лесам. И смарагдовый хор
Слагает с деревьями Леший.

Зелёная сказка расцветов и трав,
В ней птица стакнулась со зверем.
Хмелею. Вошёл в меня древний состав.
И вот он, узорчатый терем.

Он тёмен. Он истов. Он ласков и строг.
В нём думы и сказки ватагой.
Зовёт меднокованный чёткий порог.
Войди, и насытишься брагой.

СОЗВЕННЫЕ

Высокий кокошник. Наряд нарочитый.
Ласкательный мех душегрейки.
Привет тебе, вкрадчивый соболь, убитый
Во имя смеющейся змейки.

Все дни наши звеньями ласки мы мерим,
Нас Месяц дарит жемчугами.
А в полночь над нами узорчатый терем
Резными поёт петушками.

ЛЕТУЧИЙ

Когда весь мир, из ничего, из праха,
Прорвавши ночь, явился в блесках дня,
Красивы были, мрак на жизнь сменя,
Орёл, верблюд, и лев, и черепаха.

Но лик ещё дремал в уме Аллаха,
Горсть воздуха схватив рукой огня,
Замыслил он Арабского коня,
И, длань разжав, он бросил вихрь с размаха.

С тех самых пор дрожит огонь в ноздрях
Летучего, кто весь – размах порыва.
Из тучи – хвост, с грозой венчалась грива.

Глаза – жерло, где всем неверным – страх.
Когда ж он спит, он зыблемая нива,
Где каждый колос помнит: – «Жив Аллах!»

ДЖИГИТУЙ

Сандро Ку.

Много в мире сказок страха
Между днём и новым днём,
Ибо ночь покров Аллаха
Сине-чёрный, и на нём,
Как оазис, выше праха,
Звёзды ткут лозу огнём.

Много в Море чудищ в топи,
Рыба-меч, акула, кит,
Всюду брани и погони,

Зоркий враг всечасно мстит,
Но Арабские есть кони,
Конь крылат, и он летит.
Птица в воздухе великом
Знает верные пути,
Конь умеет в бое диком
Принести и унести,
Грёза может грозным вскриком
Звонкий стих в веночек сплести.
Вверься имени Аллаха,
С неба ток бессмертных струй,
Над картиной в раме страха
Светит Солнцем поцелуй,
В силе конского размаха,
С песней в сердце, джигитуй.

ЗАВЕТ

Человек рождён из сгустка крови красной,
Чётко возвестил нам вещей Магомет.
В этом знак признай для доли полновластной,
Возлюби в мечтах рубинно-алый цвет.
В колыбель твою уронено от Бога
Две пригоршни снов и алых лепестков: –
Разбросай одну, пусть вся цветёт дорога,
А другую спрячь за рифмами стихов.
И когда в пути красивую ты встретишь,
И когда в пути, вздохнув, устанешь ты, –
Пламенем костра свою любовь отметишь,
Женщину стихом оденешь ты в цветы.

ЖАЖДА

Из жажды музыки пишу стихи мои,
Из страсти к музыке напевы их слагаю

Так звучно, что мечте нет ни конца, ни краю,
И девушка мой стих читает в забытьи.

Я в сердце к ней войду, верней, чем яд змеи.
Хотела б убежать. Но вот я нагоняю.
Моя? Скажи мне. Да? Моя? Я это знаю.
Тебе огонь души. Тебе стихов ручьи.

Из жажды музыки рождается любленье,
Влюблённая любовь, томление и боль.
Звучи, созвучие! Ещё, не обездоль!

Я к Вечности приник. В созвучье исцеленье.
В непрерываемом душе побыть дозволю.
Дай бесконечности! Дай краткому продленья!

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Я слушал дождь. Он перепевом звучным
Стучал во тьме о крышу и балкон,
И был всю ночь он духом неотлучным
С моей душой, не уходившей в сон.

Я вспоминал. Младенческие годы.
Деревня, где родился я и рос.
Мой старый сад. Речонки малой воды.
В огнях цветов береговой откос.

Я вспоминал. То первое свиданье.
Берёзовая роща. Ночь. Июнь.
Она пришла. Но страсть была страданье.
И страсть ушла, как отлетевший лунь.

Я вспоминал. Мой праздник сердца новый.
Ещё, ещё, улыбки губ и глаз.
С светловолосой, с нежной, с чернобровой,
Волна любви и звёздный пересказ.

Я вспоминал невозвратимость счастья,
К которому дороги больше нет.

Тот свет не призрак зорь, то жёлтый лоскуток.
Тот блеск – игра кольца, не ласка Новолунья.
Тот звук – не звон струны, хоть странно звук
высок. –

Тот лик – не мёртвый лик, она жива, колдунья.
Из ткани вечности вдруг вырвала кусок,
И зыбит пение – Яванская плясунья.

ЧЕРКЕШЕНКЕ

Я тебя сравнить хотел бы с нежной ивою плакучей,
Что склоняет ветви к влаге, словно слыша звон
созвучий.

Я тебя сравнить хотел бы с юным тополем, который
Весь смолистый, в лёгкой зыби, к небесам уводит
взоры.

Я тебя сравнить хотел бы, видя эту поступь, дева,
С тонкой лилией, что стебель клонит вправо,
клонит влево.

Я тебя сравнить хотел бы с той Индусской
баядерой,
Что сейчас-сейчас запляшет, чувства мера
звёздной мерой.

Я тебя сравнить хотел бы... Но игра сравнений
тленна.

Ибо слишком очевидно: Ты среди женщин
несравненна.

БЕССПОРНО

Ожидая неожиданное,
Угадуя неразгаданное,
Я вобрал дыханье ладанное,
Огнеданных принял струй, –

И видение невиданное
Взяв душою необорною,
Славолю истину бесспорную,
Возглашая – поцелуй.

СТРЕКОЗКА

Мирфе

Девчонка бешеных страстей,
И ангелок, и демонёнок,
Вся взрослая, хотя ребёнок,
И вся дитя среди людей,
То злой упрямый соколёнок,
То добрый золотой цыплёнок,
Ты нежный крест души моей
Девчонка бешеных страстей.

Ты крест, но очень нежный. Ибо
Все своеволия твои
Не тяжко-каменная глыба.
А острый угол, бег изгиба,
Стрекозка в лёте, взмах змеи,
И птичий щебет в забытии,
И все весенние ручьи.

КАК ЯРКИЙ ЛУЧ

Как яркий луч ко мне вошла,
Цветок весёлый уронила,
И келья сделалась светла,
Душисто дрогнуло кадило,
И сердце счастьем осветила.

Над тусклым стрельчатом окном
Позолотила паутину,
Мечту зажгла цветным огнём,
Дышать заставила равнину,
И я её уж не покину.

ВЕНОК

Смешать печаль, которой нет острей.
С восторгами, которых не бывало,
Но могут быть, – от горного обвала
Взять музыку, – и, кровь погнав быстрей,
В стихи добрызнуть огненный ручей,
И всё соткать, для нежности твоей,
В венок любви, – а если скажешь: «Мало»,
Вели ещё! Я твой, среди зыбей
Девятого ликующего вала!

НАД РУЧЬЁМ

Когда мы тихими часами
С тобою говорим вдвоём,
Тебя я вижу над ручьём,
Ты лань с безумными глазами,
И мне хотелось бы сквозь мглу
Пустить проворную стрелу,
Чтоб не убить, о, только ранить,
И рану излечить скорей
Всей страстной нежностью своей.
И лаской эту лань туманить.

ЦВЕТ ПШЕНИЦЫ

Пшеничный цвет твоих волос,
И светлого лица румянец,
Во мне рождают пенье грёз,
И кровь ведут в проворный танец,
И хоть страна твоя – мороз,
А я поэт, и я Испанец,
С тобой мне пляска суждена,
Быть может, в час, когда Луна
Горит, пронзая глубь до дна.

Звения струной, я буду твой,
Все струны любят – перекличкой,
Я буду змей в ветвях живой,
А ты уклончивою птичкой,
Я буду ветер круговой,
А ты расцветшею пшеничкой,
И в высоте, где ходит гром,
Мы будем в небе голубом
Звездой и матовым Серпом.

СЕСТРА

Сестра, ты вдруг поцеловала
Его, кто жаждал и робел.
И роза снов раскрылась ало,
И нежный ландыш в страсти бел.
Я сплю. Меж век чуть зрима щёлка,
И чара к ней идёт с Луны.
Я вижу огневзоры волка
Среди безбрежной тишины.
Я чувствую – зима устала,
В тебе весенняя игра.
Ты льнёшь ко мне. О, мало, мало!
Я сплю. Целуй ещё, сестра.

ЗВЕЗДА

«Мы будем там, когда уйдём отсюда», –
Сказала ты, взглянувши на звезду,
И я сказал: «Я верую, и жду,
Когда же совершится это чудо?»
Звезда плыла в сиянье изумруда,
С лучом как будто луч Луны на льду,
А облачко под ней, как мысль в бреду,
Вело в сейчас, являясь ниоткуда.

И тонкую оно продлило ткань,
Спустилось вниз продольной бледной тучей,
Как узкий мост, к земле с небес, певучий.

Он пел глазам. Ты прошептала: «Глянь!»
И я, поняв, что наш он, миг текучий,
Тебя одел в жемчужный дождь созвучий.

ПОЛНОЧЬ В ЦВЕТКЕ

Крылом старинный ворон веял
На черноту твоих волос,
Твой тихий взор в себе взлелеял
Обрывок тучи дальних гроз.

Я подошёл к тебе без слова,
От сердца к сердцу был магнит,
И чувства древняя основа
В душе мгновенно говорит.

Влиянье всех неисчислимых
Веков, что где-то жили мы,
Как пламень, проглянувший в дымах,
Пронзило в сердце скрепу тьмы.

Я знал, волнуясь и волнуя,
Я знал, бледнея и любя,
Что неизбежность поцелуя
Желанной будет для тебя.

Взошла Луна, светясь медвяно,
Дышала долгим гулом мгла,
И чаша чёрного тюльпана
Раскрытой страстью расцвела.

ВИШНЯ

Ты стройной вишни белый цвет,
И чарой весь твой лик одет,

Я так хочу, чтобы пчела
В тот нежный цвет свой путь нашла.

Пчелиных крыл хрустален звон,
К тебе всё ближе, ближе он,
Раскрой же чашечку цветка,
Чтоб пела сладкая тоска.

Тот поцелуй златой пчелы
Есть жало ласки, песнь хвалы,
А после, в улье, в свой черёд
Сгустится жёлтый пряный мёд.

А после, вишни белый цвет
Мелькнёт как ягод алый бред,
И в нас вином войдёт в свой срок
Душистой вишни красный сок.

РОЗА

Ты юная Южная роза,
Тебя я не мог не заметить,
Судьбы роковая угроза
Велела мне алую встретить.

Судьба угрожает, но нежно,
Гремучей раскинуться тучей,
Овеять расцвет твой безбрежно,
Звучать как источник певучий.

Вот молния в сердце разъятом,
Я жду твоего поцелуя,
И дождь пробегает по скатам,
Рыдая, звеня и ликуя.

ЕСЛИ Б

Если б Солнце было голубое,
Если б небо стало золотое,

Алыми раскинулись бы травы,
А цветы мерцали б изумрудом, –
Мир явил бы свету новой славы,
И любовь была бы новым чудом.

САФИР

В твоих глазах есть зыбь сафира,
Твоё мне нравится лицо.
Но вот соблазн великий мира: –
Сиянье этого сафира
Хочу в моё вковать кольцо.

ЦЕЛЬНОСТЬ СЧАСТЬЯ

Цельность счастья, это – счастье вдвойне,
Это – волны в убегании к волне,
Это радость, после мрака долгих лет,
В полном цвете между листьев первоцвет.

Цельность счастья, это – тихий синий взор,
Отражающий безмолвие озёр,
Там глубоко, там в прозрачности, на дне,
Талисман, и он один, и весь он мне.

ТРИ ПТИЦЫ

Летела птица голубая,
Все выси обогнула смело,
И тьма редела, уступая,
И тень земная голубела.

Летела птица золотая,
Зарёю расширялись крылья,
И в душу лился, ниспадая,
Медвяный дождик изобилья.

И третья птица молодая
Летела алым самоцветом,
Весь мир был праздником, блистая,
Но я лишь гостем был при этом.

И не успел игрой узорной
Я насладиться до забвенья,
Как пала тень от птицы чёрной,
И в вечность кануло мгновенье.

ВИДЕНИЕ

Я видел цвет полураскрытый
В весну влюблённого тюльпана.
Но я ушёл тропой пробитой,
Был праздник кончен слишком рано.

Я видел птичку голубую
Средь изумрудного сплетенья.
Но я в безмолвии тоскую,
Лишь миг один я слышал пенье.

Я видел сон: – За быстрой серной
Я, серной, мерил ширь простора.
Я с ней бы счастлив был наверно,
Но сон растаял слишком скоро.

НЕПОБЕЖДЁННЫЙ

Ты для того меня взманила
В певучий сад,
Чтоб в сердце задрожала сила,
И брызнул звонкий водопад?

А ты, взмахнув крылами павы,
Среди куртин,
Вспорхнула, дав мне вкус отравы,
Забыв, что пред тобой павлин.

Но ты забыла, что свеченье
 Стооких звёзд
Средь птиц – моё лишь означенье,
Что мой цветной пышнее хвост.
Вся радость радуги со мною,
 И все цвета,
И чуть я веер свой раскрою,
Как с неба смотрит Красота.

СУДЬБА

Я не верила, я поверила,
Что весами нам златоткаными
Всем Судьба в мирах путь отмерила
С ворожащими талисманами.
И тоской в лесу вся изранена,
Вот свиданья жду в светлой чаще я,
А Луна пьянит, притуманена,
Наклонённая, ворожащая.

МУЗЫКА

Женская чара владеет душою
 Вкрадчиво, нежно, всевластно.
Женское сердце повсюду со мною,
 Женщин пою не напрасно.
Музыка – женщина, пенье – мужчина,
 Даже и женское пенье.
В музыке звёздная дышит картина
 Первого часа творенья.
Пение – после, в нём гулкое эхо
 Дали, на миг приближённой.
Музыки дай мне, восторга и смеха,
 Петь тебя буду влюблённый.

ТВОИ ГЛАЗА

Твои глаза – простор души твоей,
В них вечный бег играющего вала,
В них синий сон загрезивших морей,
Гляжу, гляжу, и всё для сердца мало.
Крылатая, ты вся поёшь: «Ликуй!»
И много снов в душе у каждой птицы,
Но лучший миг, – когда чрез поцелуй
На бездну глаз наброшены ресницы.

ИДУЩАЯ ПРЯМО

Ты знаешь страсть, но чувственности нет
В твоих движениях, в ходе сновидений.
Исподтишка не глянешь ты на свет,
Но в молнии сгоришь без сожалений.
Не всякий переступишь ты порог,
Но любишь лунный луч в овале свода.
Вдали харчевен, выпьешь полный рог
Хмельного искромечущего мёда.

Я И ТЫ

Я и ты, мы с двух планет.
 На одной огонь рубина,
 На другой колдует льдина,
Голубой холодный свет.
Я и ты, мы с двух планет.
 На одной ликуют войны,
 В ней июль цветится знойный,
На другой лазурный цвет.
Наша рознь на сколько лет?
 И не лучше ль сочетанье
 Двух расцветов угаданья
В слитной сказке двух планет?

ХОТЬ НЕМНОЖКО

Я почувствовал узкую нежную руку,
Я почувствовал свежесть раскрытой ладони,
Я её целовал в темноте.

Чрез мгновение ночь возвещала разлуку,
Но за счастьем я гнался, бледнея в погоне.
И тобою припал я к мечте.

Почему мы вдвоём так смеялись беспечно?
И потом, хоть вдвоём, так молчали упорно?
Я не знаю. Узнаю ли я!

Ты мне сделалась вдруг дорога бесконечно.
И тобою мечтанье мерцает узорно
Хоть немножко – скажи – ты моя?

ПЯТЬ БУКВ

Дай мне пять нежных букв, ты дашь мне в них пять
счастливых,

В гирляндах пламени ответчу я стихом,
Всепроницающим, как молния и гром,
Завладевающим, как дальний звон запястий.

Непрерываемых хочу я сладострастий.
Уста до жадных уст. Обжог горячим ртом.
И вихрь, промчавшийся над огненным кустом,
Дошёл до корабля, зажжёт морские снасти.

Весь Океан горит. Я дух, и пламя длю.
Воспламенения с играньями цветными.
Весь заалевший мир в плавучем рдеет дыме.

Рубин расплавленный змеится к кораблю.
Добрость, желанная, лучами золотыми,
Свой сопричастный дар в пронзённое «Лю-
блю!»

ЧАС ДУШИ

Без преград, без времени, без цели
Самоцельный чувствовать прилив.
Слушаться невидимой свирели,
И мечтою ветку наклонив,
Чуять золотую осыпь ив.

Пролетят ликующие пчёлы,
Не ужалят, только прозвенят,
К нам приспел и день и час весёлый,
В ветре травы, строя светлый ряд,
О любви и счастье говорят.

Как красиво быть вдвоём с желанной.
В душу смотрят нежные зрачки
Тех цветов, что в чаще светлотканной
Затаили дружно огоньки,
И цветут над зеркалом реки.

Там, во влаге медленно-текущей,
Отразилось милое лицо.
В Отчий наш чертог, во веки сущий,
Нас ведёт высокое крыльцо.
Я припас – душе твоей – кольцо.

Я из звёзд сковал тебе запястье,
Из цветов я лучший взял цветок.
Обратись ко мне всей правдой счастья,
И взгляни с доверием в поток.
Этот час души моей – глубок.

БЕЗ СЛОВ

Без всяких слов, без всяких обещаний,
Люби меня.
Заснуло Солнце в розовом тумане,
Немая ночь встаёт в провалах дня.
Когда во сне душа дойдёт до грани,
Люби меня.

ЖЕМЧУГА

Я люблю шелковистые волосы,
До которых я льнул поцелуями,
Пересветную узкую перевязь,
Сребро-матовый круг жемчугов.
Жемчуга – это Лунные помыслы,
Океанские скатные бусинки,
Это фейные бледные ягоды,
Нежно-ласковый пир для зрачков.

Я люблю эти руки красивые,
С утончёнными длинными пальцами,
Этот выгнутый стан запрокинутый,
Эту страсть, и восторг тишины.
И за срывным мгновеньем стыдливости
Налетевшую бурю без удержу,
Легкоструйную зыбь утоления
Захмелевшей Грузинской княжны.

МИНУТА

Хороша эта женщина в майском закате,
Шелковистые пряди волос в ветерке,
И горенье желанья в цветах, в аромате,
И далёкая песня гребца на реке.

Хороша эта дикая вольная воля.
Протянулась рука, прикоснулась рука,
И сковала двоих, – на мгновенье, не боле, –
Та минута любви, что продлится века.

ЖАЖДА

Ты чаша, полная вина,
Но та мне радость не дана,
Вздыхнув, испить её до дна.

Ты не пролитый жёлтый мёд,
И мой хотящий алый рот
Застыл! Когда ж его испьёт?

Ты птица вольная, но мгла
Твои сковала два крыла,
Вспорхнём, летим, ведь ты смела.

ВИНО

Я пил с тобой вино, ему же нет названья,
Я жёг с тобой огонь, ему же нет конца,
Мы видели зарю и всё её сгоранье,
На тройке мчались мы под звуки бубенца.

Глаза в глаза – моря, немые океаны,
В них многоречие, чрезмерное для слов,
В наш край, как в Вечность – сны, толпой идут все
страны,

Я пил с тобой вино, и вечно пить готов.

ХРУСТАЛЬ

Я заглянул в зелёные глаза,
Всемирна вольность в утре мирозданья,
Я в голубых глазах прочёл мечтанье,
Венчалась в чёрных с молнией гроза.

И есть в очах морская бирюза,
И есть в глазах вся вечность ожиданья,
С тем первым днём, сквозь бездну дней, свиданье,
Сбор винограда, пьяная лоза.

Страданье, заблуждения, измены,
Как полночь всеохватная печаль,
Разлуки острой ранящая сталь, –

Лукавые, из разных мыслей, стены
Не в силах умертвить цветок вервены,
Всегда найду я близь, качнувши даль.

БЕСЕДКА

1.

Мне хочется уйти с тобой в беседку.

О, милая, вдвоём, вдвоём!

Цветущую качнуть тихонько ветку,
Цветок увидеть на лице твоём.

С влюблённостью, но не томясь тревожно,

И не томя души твоей, –

Шепнуть тебе: Нам всё сейчас здесь можно.

Дай счастье мне! О, поцелуй скорей!

2.

Ты любишь танцевать по краю,
Лесной опушки, может быть,
Быть может, пропасти, не знаю,
Но пред тобой я предан маю,
Нашёл цветок, его сжимаю,
И снова сладко понимаю,
Что сердцу хочется любить.

3.

Когда ты будешь засыпать,
К тебе я мыслями прибуду,
Как призрак сяду на кровать,
И буду ласково шептать: –
Люби меня! Доверься Чуду! –
И ты потянешься слегка.
И будет грёза глубока,
Огонь блеснёт по изумруду,
Разъятый многозвёздный мир,
Осеребрив, пронзит сапфир.
Даст ход таинственному гуду,
И синих вод качнётся гладь,
И, тень, я лягу на кровать,
И целовать тебя я буду.

4.

Мне радостно и больно.

Вдали идёт гроза.

Я полюбил невольно

Зелёные глаза.

В душе качанье звука,

В ней радостный рассказ.

И больно, что разлука

Тебя умчит сейчас.

5.

«В моё окно в ночи всегда глядит звезда.
Одна среди голубых и золотых горений,
Она меняется, светло дрожит всегда,
То в зыби синих снов, то в блеске алых рдений».

«Костёр Египетский, к разливу звавший Нил!
Колдуй через века, домчи мечту до цели.
Хочу, чтоб он ко мне своё лицо склонил,
Когда я здесь томлюсь в девической постели!»

6.

Зачем к тебе скользнула змейка?
Без яда этой мысли ход,
Шестиугольная ячейка,
Пчелиный, полный неги, мёд.

Я только вижу сновиденья,
И говорю тебе о них,
Ты вся – расцветшее растение,
Я весь – тебя хотящий стих.

Как не желать, хотя б в напеве,
Лишь в светлых брызгах быстрых слов,
Шепнуть влюблённо юной деве,
Что я готовлю ей альков.

Подушки вышиты шелками,
А полотно сплела Луна,
И только мысль там правит нами,
Что целомудренно нежна.

Тебя усыпав жемчугами,
С тобой я рядом – только сном.
Моя любовь – в Пасхальном храме,
Моё хотение – псалом.

Не будь же лебедью уклонной,
К тебе здесь лебедь снов плывёт.
Расслышь напев души стозвонный,
Вдохни мой свежий светлый мёд.

7.

Как метель опушила деревья,
И одела все сосны парчой, –
Как туман, собираясь в кочевья,
Расцветает горячей грозой, –
Так мечта, набросав нам созвучий,
Показала в изломе своём,
Как красив наш таинственный случай,
Как нам нежно и дружно вдвоём.

ДВЕ ПТИЦЫ

Две птицы встретились в метели,
В холодном воздухе равнины,
Они от разного летели,
Но ветер сблизил их единый.

Свистя, и то исполнен ласки,
То вдруг исполнен древней злобы,
Снежистые крутил он маски,
И гневно громоздил сугробы.

В пороше быстрой, в диких дымах,
Он этих птиц сомчал обеих,

Кружа в полях необозримых,
И путая в снежистых змеях.

В неисчерпаемости гнева,
В необозримости равнины,
В разбегах вьюжного напева,
Мелькали белые личины.

И обезумленные птицы,
Не для напрасного усилья,
Забыв родимые станицы,
Сплели в безумном ветре крылья.

Когда ж от Севера до Юга,
Слиялось в двух сердцах влеченье,
Их сразу остудила вьюга,
Втянувши двух в одно течение.

ИРЛАНДСКАЯ ДЕВУШКА

Поздно ночью вчера о тебе говорила собака,
О тебе говорил на болоте в осоке кулик,
Это ты одинокая птица в лесу между веток,
Одинокой был птицей, пока ты меня не нашёл.

Обещался, и ложь ты сказал мне, что будешь со мною,
Говорил – будешь там, где пасутся овечьи стада,
Был протяжен мой свист, и тебе триста раз я кричала,
Не нашла ничего, только жалко ягнёнок блеял.

Ты мне трудную вещь обещал – как подарок
любимой,
Золотой дать корабль, и с серебряной мачтой на нём,
Городов дать двенадцать, – чтоб в каждом был
рынок богатый,
Подарить мне дворец, белый двор на морском
берегу.

Невозможную вещь обещал – как подарок любимой.
Подарить мне перчатки из рыбьей хотел чешуи,

Существенно существованье
Несуществующих живёт.

Из заколдованной котомки
Чарует яхонт глубиной.
Вздохните, дальние потомки,
С несуществующим, со мной.

Алее ягод барбариса,
Сгустилась раной грёза вновь,
Когда весенняя Лариса
Вонзила в сердце мне любовь.

Красней, чем горькая калина,
И слаще мёда, и светла,
Вся в брызгах молний, Катерина
Судьбою в сердце мне вошла.

Вещуньей сказок, снов и плена,
Свивая дрёму в пелену,
Возникла лунная Елена,
И до сих пор веду войну.

Душевым миром осияна,
Она, чьё имя всех древней,
Ко мне подходит молча Анна.
И в тихой я легенде с ней.

В любви внезапная, Наташа,
Ребёнок в страсти, Ноэми,
Тамар, о, жертвенная чаша,
Кровь – каждая – мою возьми.

Люси, и Дагни, и Мария,
И Мирра, блеск и сладость сна.
Так от зари и до зари я
В венки сплетаю имена.

Венок ли? Знак ли светлый пира?
Скажи, о, сердце из сердец,
Венок ли, вкрадчивая Кира,
Не остролистый ли венец?

АСЯ

Не знаю, только ли сестра,
Или сестра ты и невеста.
Но там, где ты, священно место,
Лучей и снов сквозит игра.

Из золота и серебра
Старинной повести загадка.
Цветок, который дышит сладко,
И вот ему заснуть пора.

Побудь со мною до утра,
Зари огнистое сплетенье.
Ты в полночь зыбкое цветенье
Того, что было днём вчера.

ВАРЯ

Тёплые росы легли по цветам.
Полночь, июньской зарёй окаймлённая,
В каждом цветке притаилась влюблённая.
Здесь золотое есть синее там.

Ты шевельнула слегка лепестки.
Лаской нетронута, ласки хотящая,
Очи закрыты, проходишь ты спящая,
Возле течения великой реки.

Я тебя вызвал, добросив лучи.
Я прикоснулся до тайны застенчивой.
Будь же со мной как цветок неизменчивый.
К нашему счастью со мною ключи.

ЭСФИРЬ

Я потонул в голубой небошири,
Молния вкрадчиво сердце прожгла,

Волю сожгли поцелуи Эфири,
Ласка желанна и полночь светла.

Веще во мне шелестели страницы,
Домыслы Солнцем сжигаемых стран,
Зыбкие долго целую ресницы,
Таинством дышит мне чёрный тюльпан.

ЛИЯ

Причудливая Лия,
Тебе дала природа
Желания живые
И в них мерцанье мёда.

Ты роза Иордана,
Ты, смуглая, светла,
Взгляну, и сердце пьяно,
Как вешняя пчела.

МЕЙТА

О, нежная Мейта,
Ты грёза Востока,
Ты песня, ты флейта,
Что где-то далёко.

И флейтой хочу я
Владеть, дорогая,
Огнём поцелуя
В ней песню слагая.

СОФИЯ

Звук София – лозунг мудрый,
Оттого в воздушных косах
Ты среди черноволосых
Лик являешь златокудрый.

Ты ещё совсем загадка,
И, среди сестёр одна,
Ты как тихая лампадка,
В час, когда поёт весна.

АГНЕСА

Огненной ярости искра упала
В сердце, которое хочет.
В мире горенье. Но пламени мало.
Сердце о большем хлопочет.

Вот почему ты сидишь у камина,
Жёлтой окутана шалью.
Грезится мысли пустыня. Равнина
Сжата песчаной далью.

В крае далёком пятно изумруда,
Это оазис цветущий.
Верный избранник прибудет оттуда,
И уведёт тебя в кущи.

ЗЭЛЬДА

Газель обречённая тихо дрожала.
Взнесённый зажётся мерцанием нож.
Как смерть беспредельна. И жизни как мало.
Как бег по лугам травянистым хорош.

Секунда, и брызнули алые струи.
Какому свирепому богу нужна
Кровавая брага? К земле в поцелуе
Припала убитая. Сон. Тишина.

Но был чарователь в том действе жестоком.
Он прах обагрённый как глину смесил,
Вложил огнедух в средоточье глубоком.
Вдохнул в изваянье дрожание сил.

И девушка встала. Открыта, румяна.
Готовая к жертве. Несчётно добра.
Идёт, как выходит заря из тумана.
И смех её светел, как звон серебра.

ИНАМЭ

Пять лёгких звуков, Инамэ,
Во мне поют светло и звонко.
Махровой вишни, в полутьме,
Мне лепесток дала Японка,
И расцвела весна в зиме.

Один единый лепесток
Она мне молча подарила.
Но в нём любовь на долгий срок,
Завладевающая сила,
Неисчерпаемый намёк.

На жемчуг – жемчуг по тесьме,
И расцвела нам хризантема
В снежисто-месячной чалме.
Люблю тебя. Твой лик поэма.
Цветок вулкана, Инамэ.

НИНИКА

Ты нашла кусочек янтаря,
Он тебе дороже был червонца,
И вскричала, радостью горя:
«Я нашла, смотри, кусочек солнца».

Затаив желание своё,
Ты вбежала в Море прочь от няни,
И вскричала: «Море всё моё!»
И была как птица в океане.

Ты схватила красный карандаш
И проворно на клочке бумаги

Начертила огненный мираж
Солнечной молниеносной саги.

Ты выросла как тополь молодой,
От смолистых капель благовонный,
И пошёл, как путник за звездой,
За тобой, путём Судьбы, влюблённый.

Я не знаю, в чём твой час теперь,
Между нами реки, горы, степи,
Но везде в тюрьме ты сломишь дверь,
И играя разорвёшь ты цепи.

КИРА

Где ты, Белый Лебедёнок?
Я пою, пронзён тоской.
Твой зазывный голос звонок
За рекой.

Ты была мне наслажденьем
Разметавшейся весны,
Затененьем, осененьем
Тишины.

Я тобою был волнуем,
Взятый вдруг цветочной мглой,
Уязвлённый поцелуем,
Как стрелой.

Ты была мне радость лета,
Сказка в сказке, сон во сне,
Ты была движенье света
На волне.

Ты была мне веер смелый,
Что трепещет чередой,
Юный лебедь, лебедь белый
Над водой.

Ты куда же улетела?
Прилетишь ли? Память длю.
И тебя я без предела
Всё люблю.

ДАГНИ

Правнучка Скандинавских королей,
Валькирия, уставшая быть в бое,
Во взоре дремлет Море голубое,
Что знало много вёсел и рулей.

Скажу «Люблю», и этот взор светлей.
Бьёт Полночь. И в протяжно-медном бое
Всё прошлое, глухое и слепое,
Прозревши, слышит долгий гул аллей.

Созвенные звездятся в розах росы.
Я их вложил в прославившийся стих,
В кувшин вина, где много струй густых.

Мне снится. Я Гаральд Светловолосый.
Я твой, мечта. Мы двое. Воздух тих.
И для меня ты расплетаешь косы.

ЕЛЕНА

Я переплыл с тобою океаны,
Я пересёк громады диких гор,
И пламецвет слагался нам в костёр,
И рододендрон расцветал румяный.

В горячей Майе призрак марев рдяный,
В Египте, в храмах древних, тайный хор
Богов, богинь, хранящих свой убор,
Самоа остров счастья, Солнцем пьяный.

Их много, стройных стран и островов,
Где в сказку жизни заглянули двое.
Нас обвенчало Море голубое.

Друг к другу мы пришли из мглы веков.
Колибри, сновиденье световое,
Мы будем пить до смерти дух цветов.

АННА

Цвели цветы на преломленье лета,
Их было много, красочных химер,
Порвать спешивших грань всех пут и мер,
Когда пришла ты с ласкою привета.

Ты вся была в старинный сон одета,
И я, как умилённый старовер,
Вступил с тобою в храмовый размер
Торжественно-напевного сонета.

Я разлюбил тобою – лепестки
Цветов, струящих сладкий чад отравы.
Ты мне дала сиянье тихой славы.

В часовне, где забвение тоски,
Мы рядом, мы светло в блаженстве правы.
И выются ожерельем огоньки.

КАТЕРИНА

За то, что ты всегда меня любила,
За то, что я всегда тебя любил,
Твой лик мечте невыразимо мил,
Ты власть души и огненная сила.

Над жизнью реешь ты ширококрыло,
Тебе напев и ладан всех кадил,
И тем твой дух меня освободил,
Что ты, любовь, ревнуя, ревность скрыла.

Пронзённый, пред тобой склоняюсь в прах.
Лобзаю долго милые колени.
На образе единственном ни тени.

Расцветы дышат в розовых кустах,
Движенью чувства нет ограничений.
Я храм тебе построю на холмах.

ДВОЕ

Уста к устам, безгласное лобзанье,
Закрытые глаз, мгновенье без конца,
С немой смертельной бледностью лица,
Безвестно – счастье или истязанье.

Два лика, перешедшие в сказанье,
Узор для сказки, песня для певца,
Две розы, воскурённые сердца,
Два мира, в жутком таинстве касанья.

Души к душе мгновенный пересказ,
Их саван, и наряд их подвенечный,
Алмаз минуты, но в оправе вечной.

Узнать друг друга сразу, в первый раз.
Ромео, ты сейчас в Дороге Млечной
С Джульеттой ткёшь из искр свой звёздный Час.

МЕРЦАНЬЕ

Глаза затянутые дымкой томной неги.
Волна расплёсканная брызгами на бреге.
Зарниц размётанные сны, излом огней.
Любви почудившейся свет с игрой теней.

Глаза осмеленные тайной глаз хотящих.
Цветы зажёгшиеся сказкой в тёмных чашах.
Любовь пронзающая больно и светло.
Всепроницающее – лик меча – весло.

СОЛНЦЕ

Солнце, горячее сердце Вселенной.
Ты восходишь и бродишь, ты плывёшь и нисходишь,
И в томительной жизни, так расчисленно-пленной,
Золото блеска ты к полночи сводишь.

Я стою на пределе, и шаром кровавым
Ты уходишь за горы, уплываешь за Море,
Я смотрю, но над лесом, осенним и ржавым,
Только ветер – с собой в вековом разговоре.

Вот я один. Клад утрачен мой ценный.
И хоть целое Солнце заключаю я в сердце,
Разлюбив человека, я лишился Вселенной,
Нет больше веры в единовеце.

НОЧЬ

Ночь, с миллионами солнц, разбросавшихся в дали
бездонной,
Ночь, в ожерельях из звёзд, и в запястьях из синих
планет,
Ночь, всеокрестная тьма, и вселенский покой
углублённый,
Ночь, замирение души, выходить не хотящей
на свет.

Ночь, я любил как никто, и стократно я ранен
любовью,
Ночь, из тебя я исшёл, но смешал красоту я
с тоской,
Ночь, вся в чернейших шелках, о, дозволь мне
прильнуть к изголовью,
Ночь, ниспустишь мне в глаза, погрузи меня
в вечный покой.

ЗОВ

И лепет сказочный полужаснувших птиц,
И тень дремотная сомкнувшихся ресниц,
И тишь закрывшихся двустворчатых темниц,
Где жемчуг будущий ещё повержен ниц,
И пряжа зыбкая немеющих зарниц,
И клик слабеющий отлётных верениц,
И строки вещие желтеющих страниц
Одно горение, свеча одних божниц,
Зовущих к виденью навек ушедших лиц.

ЧЕРЕП

Тих на полке зрящий череп,
Вестовой немых веков,
Говоритель мёртвых слов.
Если б дать ему покров
Крови, плоти, – в равной мере б
Он со мною, в дымке снов,
Слушал медный бой часов.

Сердце к сердцу рассказало б,
Что проворный бег минут
Там соткал, как ткёт и тут,
Змеезвенный звонный жгут

Слов, признаний, сказок, жалоб,
Что твердыня и редут
Неизбежно упадут.

В мяч играть ли или в крикет,
В меч, в пращу, в копьё, и щит,
Или в камень маргарит,
Или в зорный цвет ланит,
Но виденье и Египет,
И в святыне пирамид
Жив один рисунок плит.

Сердце верно побороло б
Вечность жажды видеть сон,
Если б понял каждый он,
Что напевы всех времён
Только стоки в дымный жёлоб,
Где текут со всех сторон
Миги марев, мёртвый звон.

На узоре, на примере б
И любая здесь она
Увидала, что дана
Нам в любленье глубь без дна,
Что разумен только череп,
И его судьба верна,
Ибо в смерти тишина.

МЕРА

Тьма черты перемещает.
Ночь – из края теневого.
Ночь спокойна. Отчего я
Так печален в этот час?
День всечасно обещает,
Но не сдерживает слово,
День лукавит, зданья строя,
И обманывает нас.

Воздух ночи необманен,
Нет на ткани кисти лишней.
Отчего ж пугает серый
Цвет, предвестье черноты?
Я стрелю чёрной ранен.
Я грущу о правде вышней.
Только солнечною мерой
Мерю зёрна Красоты.

Я

Мы все равны пред Высочайшим Светом,
Который дал нам, в прихоти своей,
Несчётность ликов, светов и теней,
Рассыпав нас, как краски пышным летом.

Где больше правды? В дне, лучом одетом,
Или в провале бархатных ночей?
Я лев, и лань, и голубь я, и змей.
Сто тысяч я пройдя, я стал поэтом.

Меж мной и Высшим, чую, грань одна,
Лишь остриё мгновения до Бога.
Мгновенье – жизнь, мой дом. Я у порога.

Хоть в доме, я вне дома. В безднах сна
Понять, что в мире правда лишь одна,
Есть в бездорожье верная дорога.

ЖИВОЙ И В СМЕРТИ

Объят кольцом пустыни раскалённой,
Где лик самума кажется жёлтый цвет,
Оазис в изумрудный сон одет,
С рекою голубой и в жизнь влюблённой.

С зарёю дышит лотос умилённый,
Качая в чаше синеватый свет,
Папирус, лучший символ меж примет,
Уводит в храм с колонною взнесённой.

Там в золотистых звёздах потолок.
Там дева-мать, вернейшая супруга,
Вернула в жизнь растерзанного друга.

Вздыхаясь к Солнцу, обелиск высок.
Семь тысяч лет твой мёд ещё не выпит,
Живой и в смерти, сад богов, Египет.

ЧЕТВЁРТЫЙ ГИМН КАИРСКОГО ПАПИРУСА

Привет Тебе, Ты милосердный,
Владыка радости, сиянья и добра,
Хвалю тебя хвалой усердной,
Могучий Ра.

Высокие ты носишь перья,
Круговозвратную, как перевязь, змею,
Ты день выводишь из преддверья,
Тебя пою.

Твоё явленье любят боги.
Их два, высокие, все в пламенах, венца,
Горят в лучах твои дороги,
Им нет конца.

Весь мир, в сиянье, в братстве дружном,
Многообильные идут стада. Пора.
Твоя любовь на небе Южном.
Могучий Ра.

На небе Северном отрада,
Ты красотой своей пленяешь все сердца,
Ты побеждаешь силой взгляда,
Огнём лица.

Единый лик, в звенящем гуде,
Творец единственный, поток без берегов,
Из глаз твоих возникли люди,
Рот – сонм богов.

Поля, и гнёзда птиц небесных,
Луга, и малая нора,
Тобою живы все, ты в зарослях древесных,
Могучий Ра.

Проснулась тихая личинка,
Раскрыт просящий рот птенца,

Тобой на стебельке озарена росинка,
Ты жизнь яйца.

Привет тебе от всех живущих,
Один со множеством вседостающих рук,
Исток для уст блаженно-пьющих,
Всемирный звук.

Все спят, но ты не спишь за гранью,
Прядётся добрая для всех живых игра.
И все твои – с благою данью,
Могучий Ра.

Первее всех горящий рано,
От высоты небес до широты земной,
Входящий в глуби Океана,
Огонь родной.

Тебе от каждой твари слава,
Песнь величания от всех окрестных стран,
Пред силой светлого устава
Звучит тимпан.

Твоё величество безмерно,
Раскинул небо ты, тобой взнеслась гора,
Ты вечно тот, чьё имя верно.
Могучий Ра.

Все боги чувствуют величье.
И, волю давшего им жизнь в себе храня,
Они ликуют, стая птичья,
В лучах огня.

Создатель дрогнувшей Вселенной,
Отец отцов, и бог, родитель всех богов,
Прими напев наш вдохновенный,
Весь жемчуг слов.

Ты, давший скрепу вечным осям,
Ты, Зодчий, давший миг до завтра от вчера,
Тебя мы сердцем превозносим,
Могучий Ра.

ЦВЕТОЗЫБЬ

Я видел лазурное облако,
На небе окружно-оранжевом,
Оно походило на пажити,
Где только одни васильки.
Был красный и жёлтый основой,
Но лентою густо-лиловою
Змеилось течение реки.

Блестя чешуёю сиреневой,
Она протекала в отвесности
Безмерным удавом, решившимся
Измерить весь зримый простор.
И в жёлтой пустыне молчания
Нигде не вскипало звучания,
Весь слух превратился во взор.

Вблизи аметистов разбрызганных
Взрастали стволы черноперева.
Качался на ветках эбеновых
Вулканно-багряный расцвет.
Навесы его лепестковые,
Всё новые свесы и новые,
Цветящийся гроздьями бред.

Они разжимались как молнии,
Спрядались в ковры огнебрызгами,
Держались подолгу как радуги,
Цвели воскуреньем зарниц.
Но в странной пустыне молчания
Нигде не дрожало звучание,
Ни духов, ни зверя, ни птиц.

Прошли бесконечности времени,
Лазурное облако ширилось,
Река уходила к безбрежности,
Русло перешло на уклон.
Вдруг даль с теневыми пределами

Грудями зазыбилась белыми,
И долгий возник перезвон.

Два белые тела, две женщины,
Одна как заря, златокудрая.
Другая с полночными косами,
Но обе одеты в века.
И в бешеный вихрь, вереницами,
Псалмы полетели за птицами,
И брызгала кровью река.

КАК ВОЗНИКАЕТ СТИХ

Как возникает стих певучий?
Меня спросил ребёнок малый.
Я быстро стал играть с ребёнком
В разбег мечты и в прятки слов.
Как возникают звёзды в небе?
Его спросил я, усмехаясь.
Они горят – из тёмной ночи,
И золотятся – в черноте.
Как возникает цвет гвоздики?
Во мгле земли таится семя,
И, с сладкой болью разломившись,
Зелёный выпустит росток.
Упорный стебель, прицепившись
К земле корнями, ждёт и ищет,
Он любит воздух, свет и влагу,
Он любит Солнце, смену зорь.
Пылинки малой не пропустит,
Которая нужна для пряжи,
Росинки малой он не сбросит,
А выпьет в ней бокал вина.
И от тоски, и от желанья,
И от любви – родится сердце
Зелёное, зовётся почкой,
Цветочным узликом оно.

И в час, когда ударит Солнце
Свой златоблаговест по небу
И колокол округло-синий
Лучистой музыкой звучит,
В сердечке малом и зелёном,
Которое дрожит под ветром,
Вдруг станет горячо и нежно,
Оно краснеет от стыда.
Так хорошо ему и больно,
Из тайны хочется на воздух,
Опять разрыв, опять раскрыть,
И разломился изумруд.
Мерцает алая гвоздика,
Блаженным светится румянцем,
Являет зарево желанья,
Поёт безмолвным угольком.
Так возникает стих певучий,
И всё красивое, что в мире
Зовёт нас к празднику, и сердцу
Быть в серых буднях не велит.
Волшебен жемчуг в ожерелье,
Но он из раковины скользкой,
Он из глубин, где слизь и гады,
И всё же вырвется к лучу.
Волшебно золото в запястье,
И в золотом кольце, в колечке,
Что малым обручем умеет
Двоих в один смешать напев.
И кругло, кругло так сверкает,
Как будто хочет рассказать нам,
Что покачусь, мол, по земле я,
И будет вся земля моя.
Волшебно золото, являя
Сгущенье солнечных горений
И заставляя человека
Свершить и самый тяжкий труд.

Но это золото, в котором
Рассвет дневной и праздник вышний,
Родится между скал бесплодных,
В безгласно-мрачном сердце гор.
И что красивее снежинки?
Но должен воздух остудиться,
Замёрзнет мир кругом, пред тем как
Запляшут звёздочки в ветрах.
Учись в кристаллах знанию жизни,
Учись любить и быть красивым,
И не бояться измениться,
И остудить свой влажный миг.
Из чёрной глубины колодца
Воды испьёшь ты самой свежей,
И самый звонкий возглас сердца
Из самой тягостной тоски.
Так возникает стих певучий,
Узнайте это, дети мира,
Чтоб вы умели нарядиться,
Когда вас праздник позовёт.

ТАЙНА ПРАХА

1.

Были сонные растенья,
Липко-сладкая дрема.
Полусвет и полутьма.
Полуявь и привиденья.
Ожиданье пробужденья,
В безднах праха терема,
Смерть, и рядом жизнь сама.

Были странные растенья.
Пышный папоротник-цвет,
После долгих смутных лет,
Вновь узнал восторг цветенья.

И людские заблужденья,
Весь дневной нарочный бред,
Я забыл и был поэт.

Вдруг исчезло средостенье
Между тайною и мной.
Я земной и неземной.
Пело в сердце тяготенье,
И шептали мне растенья
«В прах глубокий дверь открой.
Заступ в руки. Глянь и рой».

2.

Колыбелька кораблик,
На кораблике снасть.
Улетает и зяблик,
Нужно травке пропасть.

Колыбельку качает
Триста бешеных бурь.
Кто плавёт, тот не чаёт,
Как всевластна лазурь.

Полевая кобылка
Не поёт. Тишина.
Колыбелька могилка,
Захлестнула волна.

Колыбелька послушна,
Притаилось зерно.
Ах, как страшно и душно,
Как бездонно темно!

Колыбелька кораблик,
На кораблике снасть.
Он согрется, зяблик,
В ожидании власть.

3.

И ждать ты будешь миллион минут.
Быть может, меньше. Ровно вдвое.
Ты будешь там, чтоб, вновь проснувшись тут,
Узнать волнение живое.

И ждать ты должен. Стынь. Молчи. И жди.
Познай всю скорченность уродства.
Чтоб новый день был свежим впереди,
У дня не будет с ночью сходства.

Но в должный миг порвётся шелуха,
Корней качнутся разветвления,
Сквозь изумруд сквозистого стиха
К строфе цветка взбодрится мленье.

Приветствуй смерть. Тебе в ней лучший гость.
Не тщетно, сердце, ты боролось.
Слоновая объята златом кость.
Лоза – вино. И хлебу – колос.

Я облакался в саван много раз.
Что говорю, я твёрдо знаю.
Возьми в свой перстень этот хризопрас.
Иди к неведомому краю.

4.

«Красные капли!» Земля восстонала.
«Красные капли! Их мало!
В недрах творения – красное млеко,
Чтоб воссоздать человека.

Туп он, и скуп он, и глух он, и нем он,
Кровь проливающий Демон.
Красные капли скорей проливайте,
Крови мне, крови давайте!

Мечь совершающий, выполни мщенье,
Это Земли есть решение.
Мечь обернётся, и будет расцветом.
Только не в этом, не в этом.

Бойтесь, убившие! Честь убиенным!
Смена в станке есть бессменном.
Кровь возвратится. Луна возродится.
Мстителю мечь отомстится!»

5.

Я сидел на весеннем весёлом балконе,
Благовонно цвела и дышала сирень,
И берёзки, в чуть внятном сквозя перезвоне,
Навевали мне в сердце дремоту и лень.

Я смотрел незаметно на синие очи
Той, что рядом была, и смотрела туда,
Где предвестием снов утоляющей ночи
Под Серпом Новолунным горела звезда.

Я узнал, что под сердцем она, молодая,
Ощутила того молоточка удар,
Что незримые брызги взметает, спрядая
В новоликую сказку, восторг и пожар.

Я постиг, что за бурями, с грёзою новой,
На земле возникает такой человек,
Для которого будет лишь Солнце основой,
И разливы по небу звездящихся рек.

Я взглянул, и травинка в саду, прорастая,
Возвещала, что в мире есть место для всех.
А на небе часовня росла золотая,
Где был сердцем замолен растаявший грех.

ПЕРСТЕНЬ

1.

В воде затона ивы отраженье
Баюкает дремотную мечту,
Ведёт её тихонько за черту
Пулями безглагольного внушенья.

Кто знал за страстным счастьем постриженье,
Он перешёл из мая в темноту,
Но в сумраках я кружево плету,
Сцепленье скреп и мраков разреженье.

Спокоен монастырский старый сад,
В нём с цветом цвет заводит разговоры,
А в храме то встают, то молкнут хоры.

Безбрежность, к миру, выросла преград,
Лука, поля, равнины, реки, боры,
Нагроможденье каменных громад.

2.

Нагроможденье каменных громад
Безмерным перстнем остров оковало,
Где радостей минувшего так мало,
Но где мечта всегда идёт назад.

Душа, познав, разумный любит лад.
Кто знал разбег и всё кипенье вала,
В нём радость скитанья миновала,
В нём струны тихой музыкой дрожат.

Цветов, дерев, их пышных изобилий.
Красивы чаши крупных белых роз,
Как будто, грезя, создал их мороз.

Кадиланицы молитвенные лилий.
Красив у монастырских белых врат
Гвоздики алой тонкий аромат.

3.

Гвоздики алой тонкий аромат
Ведёт мечту в начальные расцветы,
Когда весь мир душе давал ответы
И мысль ещё не ведала утрат.

Ты был со мной, давно умерший брат.
С тобой мы были в молнии одеты.
Мы были духи, гении, поэты,
Я песни наши записать был рад.

Гвоздики малой рдяное цветенье
Ведёт ещё волнующий рассказ
О пламени иных желанных глаз.

Всех вышних звёзд мерцает в них теченье,
Всей Вечности предвозвещённый час
Любимого к любимой приближенье.

4.

Любимого к любимой приближенье
Пропето в Песни Песней всех времён,
На зыби самых яростных знамён,
В безумствах дел, в размахе достиженья.

Тончайшая игра воображенья,
Дрожанье всех волшебных веретён –
В жерле любви, – всевластен, кто влюблён,
Без сна любви – бесцельное круженье.

Но божески прекрасны мы лишь раз,
Когда весною любим мы впервые,
Мы на земле, но небом мы живые.

Тот пламень вдруг блеснул, и вдруг погас.
Позднее – тьмы и света в нас смешенье.
Морской волны вспенённое движенье.

5.

Морской волны вспенённое движенье
Влечёт в ещё не познанную даль,
Где синяя пленяет их печаль,
Где талисманы нового явления.

Быть может, страх, быть может, преступленье?
Мне всё равно. Мне ничего не жаль.
Я знал, как в битвах расцветает сталь,
Мы здесь сполна в волне предназначенья.

От берега до берега – моря.
В двух рубежах – пространство голубое,
Закат в одном – в другом краю заря.

Чтоб третий был, должны встречаться двое.
И нужен, чтобы брызнул водопад, –
В венце из молний гром, его раскат.

6.

В венце из молний гром, его раскат,
Псалом вселенский вечной Литургии.
Лишь в бешенстве разлома все стихии
Зиждительно красивы многократ.

Не только губит жатву крупный град,
В нём праздник формы, пляски круговые,
И старый сказ об искусившем Змие
Весь перевит в пьянящий виноград.

Единой всеисчерпыванья силой
Вступили в свет из тьмы небытия
И дикий смерч и малая струя.

Пред творческой мечтой ширококрылой
Равны – цветок лужайки, горный скат,
Орёл, и тигр, и мотылёк, и гад.

7.

Орёл, и тигр, и мотылёк, и гад
В едином свитке роковые строки,
Повинности, для всех одной, уроки,
Всё вещество – один священный Град.

Сознание безумящий набат,
И пляшущий бубенчик в поволоке
Туманов предрассветных – одиноки
И дружно слиты, звуку звук – собрат.

Что бьётся выразительней для слуха,
Моё ли сердце, взятое стрелой,
Или в прозрачной паутине – муха?

Мы боль равно кладём на аналой.
Вся жизнь есть жертва, мир – богослуженье.
Всё в жизни мировой есть выраженье.

8.

Всё в жизни мировой есть выраженье
Единого предвечного Лица,
В котором боль и радость без конца,
И наши лица – лишь отображенье.

Творящих сил качанье и брожение,
Борьба, чтоб жил, как факел, дух борца,
Путь роз и путь тернового венца,
Тьмы тем в путях к лучам преображенья.

Ты слышал птицу? Что в ней может быть?
Какой-то вскрик. Нам этот звук невнятен.
А в нём предельный зов, мольба любить.

И мы могли бы в песне радость пить,
Когда б закон миров нам был понятен:
Всё хочет хоть минуту говорить.

9.

Всё хочет хоть минуту говорить,
Чтобы, явив на миг свою отдельность,
Внедриться в многосложнейшую цельность
И смысл чертою новой озарить.

Нам нужно бытие боготворить,
Пролить на всё вниманье и молельность,
Познать предел и рваться в беспредельность,
И разрушать, чтоб новое творить.

Для царственного счастья созиданья
Должны металл калить мы горячей,
Взять в нашу радость полноту страданья.

Сжать яхонт дня оправою ночей,
Уметь сказать, в решении суровом,
Молчанием и напряжённым словом.

10.

Молчанием и напряжённым словом,
Мятежным воплем мечущей души,
Молитвою, затепленной в тиши,
Грозой, что ломит сучья по дубровам, –

Прорывом к далям, дальше, к далям новым,
Призывом страсти: “Пей! Бери! Спеш!” –
Все смелые разбеги хороши,
И трубит рог удачи быстрым ловам.

Упитья страстью, нежа и любя,
Упитья битвой, пляской вдохновенья,
Упитья чем-нибудь, но до забвенья, –

Вот лучший путь, чтобы найти себя,
И тешиться, под бархатным покровом,
Звездой небес и запахом сосновым.

11.

Звездой небес и запахом сосновым,
Росинкой трав и молнией в грозе,
Алмазом, загоревшимся в слезе,
Играет дух и прячется под кровом.

Работает пчелой в цветке медовом,
Ярится в быстролётной стрекозе,
Крутится струйкой пыли на стезе,
С усмешкой смотрит взором чернобровым.

Мелькнёт, лампада ночи, светляком,
Нависнет аметистовым удавом,
Червём, как храм, земли источит ком.

Возникнет альбатросом величавым,
Задумает людей тканью учить,
Крестовиком, свою скрутившим нить.

12.

Крестовиком, свою скрутившим нить,
Была такая сплетена картина,
Что в споре сражена была Афина,
Всю жизнь богов сумел в узор он влить.

Он радугой умеет распалить
Отъединённый замок властелина,
И так легко-изящна паутина,
Что кружево лишь можно с ней сравнить.

Все существа владеют тайным даром,
Своим, хотя не всё, что в мире есть,
И что дробится численным пожаром,

Способен человек в веках прочесть.
Хоть разный лик дан соловьям и совам,
Один огонь бежит по всем основам.

13.

Один огонь бежит по всем основам,
И тайнопись огня рассмотрим мы
И в яростном пришествии чумы,
И в странных снах, являющихся вдовам.

Всем Буддам, Брамам, Зевсам, Иеговам
Являлся свет в предельностях тюрьмы,
Благословим же царство нашей тьмы,
Но подождём её костром багровым.

Сожжём себя, коль золота хотим,
Сожги себя, коль хочешь возроденья,
Жар-Птицей будешь, реющей сквозь дым.

Из новых струн сверкнёт иное пенье,
От перстня получи, – чтоб сон сменить, –
Желанье в вечном миг свой сохранить.

14.

Желанье в вечном миг свой сохранить
Даётся всем, один горит алмазом,
Другой трудом, благословеньем, сглазом,
Но каждый может лик свой оттенить.

Лишь лени не дай себя склонить,
И остриём пройди по цепким связам.
Циклоном дней владеет строгий разум.
Умей огнём наряд свой изменить.

Был самородок в руднике глубоком.
В горнило брошен, изменил свой лик.
И круг искусно скован. Ярким оком

В нём самоцвет колдующий возник.
Так точно, по закону вороженья,
В воде затона ивы отраженье.

15.

В воде затона ивы отраженье,
Нагроможденье каменных громад,
Гвоздики алой тонкий аромат,
Любимого к любимой приближенье, –

Морской волны вспенённое движенье,
В венце из молний гром, его раскат,
Орёл, и тигр, и мотылёк, и гад –
Всё в жизни мировой есть выраженье.

Всё хочет хоть минуту говорить,
Молчанием и напряжённым словом,
Звездой небес и запахом сосновым, –

Крестовиком, свою скрутившим нить.
Один огонь бежит по всем основам,
Желанье в вечном миг свой сохранить.

ПРИМИРЕНЬЕ

От тебя труднейшую обиду
Принял я, родимая страна,
И о том пропел я панихиду,
Чем всегда в душе была весна.
Слово этой пытки повторю ли?
Боль была. Я боль в себе храню.
Но в набатном бешенстве и гуле
Всё, не дрогнув, отдал я огню.
Слава жизни. Есть прорывы злого,
Долгие страницы слепоты.
Но нельзя отречься от родного,
Светишь мне, Россия, только ты.

ЗВЁЗДНЫЙ ВОДОМЁТ

Я видел звёздный водомёт,
Как будто Северное вдали сияние.
Воздушных искр застывший взлёт,
Сквозистых занавесей переливание.
От опахал легчайший пух,
Соткавший веерами игру слиянную,
Смотрел в бездонность Вышний Дух,
Стремя кудесничеством тоску безгранную.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А. Ю. Романов. «Желанье в Вечном миг свой сохранить...»</i>	3
Мать моя	7
Дар Земле	7
Жёлтая роза	8
Зелёный диск	8
Симфония	9
Говоры	9
Пламецвет	10
Радуга	10
Погаснет Солнце	11
Четыре звена	11
Брызги	12
Тихая минута	12
Путь	13
Костёр	13
Олень	14
В горах	14
Золотые столбы	15
Ворожба	15
Ночная бабочка	16
Древней	16
Паутинки	16
Цветочный звон	17
Ворожба ресниц	18
Из пламени	18
Осень	19
Неверности	19
В кибитке	20
Забава	21
Солнечный знак	22
Бросить	22
Врубель	23
День	24
Башня	24
Ступени	25
Терем	26

Созвенные	26
Летучий	27
Джигитуй	27
Завет	28
Жажда	28
Ночной дождь	29
В тишине	30
Дуга	30
Любимая	31
Чара	31
Черкешенке	32
Бесспорно	32
Стрекозка	33
Как яркий луч	33
Венок	34
Над ручьём	34
Цвет пшеницы	34
Сестра	35
Звезда	35
Полночь в цветке	36
Вишня	36
Роза	37
Если б	37
Сафир	38
Цельность счастья	38
Три птицы	38
Видение	39
Непобеждённый	39
Судьба	40
Музыка	40
Твои глаза	41
Идущая прямо	41
Я и Ты	41
Хоть немножко	42
Пять букв	42
Час души	43
Без слов	43
Жемчуга	44
Минута	44
Жажда	44
Вино	45

Хрусталь	45
Беседка	46
Две птицы	48
Ирландская девушка	49
Длиннопокровная	50
Имена	51
Ася	53
Варя	53
Эсфирь	53
Лия	54
Мейта	54
София	54
Агнеса	55
Зэльда	55
Инамэ	56
Ниника	56
Кира	57
Дагни	58
Елена	58
Анна	59
Катерина	59
Двое	60
Мерцанье	60
Солнце	61
Ночь	61
Зов	62
Череп	62
Мера	63
Воля в неволе	64
Круг	64
Золотые гвозди	65
Маяк	65
Я	66
Живой и в смерти	66
Четвёртый гимн Каирского Папируса	67
Цветозыбь	69
Как возникает стих	70
Тайна праха	72
Перстень	76
Примиренье	83
Звёздный водомёт	84

Художественное издание

БАЛЬМОНТ Константин Дмитриевич

Дар Земле

Стихи

1921

Компьютерный набор и вычитка – А. А. Преображенская,
О. В. Епишева,

Редактор О. В. Епишева

Художник И. Каширин

Компьютерная вёрстка – О. В. Епишева

Подписано в печать 31.05.2011 г.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «NewBaskerville»

Печ. л. 5,5. Уч.-изд. л. 3,75

Печать офсетная. Тираж 400 экз. Заказ № 705

ИП О. В. Епишева

153027, г. Иваново, ул. 2-я Лагерная, 54–48

Тел.: (4932) 35-20-59, e-mail: mrs.editor@km.ru

Отпечатано в типографии Ивановского энергоколледжа
153025, г. Иваново, ул. Ермака, 41